

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Вердиева Лейла Асадовна

**Исламские институты Хорасана и Мавераннахра
XIV – середины XVI в.:
эволюция структур и динамика политической роли**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2025

Диссертация подготовлена на кафедре истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В.Ломоносова.

Научный руководитель – **Орлов Владимир Викторович**
доктор исторических наук, доцент

Официальные оппоненты – **Микульский Дмитрий Валентинович**
доктор исторических наук,
ФГБУН Институт востоковедения
Российской академии наук, отдел
памятников письменности народов
Востока, главный научный сотрудник

Валеев Рамиль Миргасимович
доктор исторических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет», Институт
международных отношений, истории и
востоковедения, Высшая школа
востоковедения – Восточный разряд,
кафедра китаеведения и азиатско-
тихоокеанских исследований, профессор

Ардашникова Анна Наумовна
Кандидат филологических наук, ФГБОУ
ВО «Московский государственный
университет имени М.В.Ломоносова»,
Институт стран Азии и Африки, кафедра
иранской филологии, доцент

Защита диссертации состоится «20» октября 2025 г. в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.056.2 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, ауд. А-416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3497>

Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Романова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы и актуальность темы исследования.

Изучение исламских институтов, главным образом исследования суфизма (араб. *тасаввуф*)¹, с давних времен остается одним из приоритетных направлений мировой исторической и исламоведческой науки. Хотя чаще всего в фокусе внимания специалистов оказываются вопросы, связанные с особенностями исламского религиозного, философского и литературного наследия, не меньший интерес представляет влияние суфизма на социально-политическую и экономическую жизнь мусульманского мира.

Особая значимость этого исследовательского вектора обнаруживается при изучении социально-политической истории Большого Ирана² XIV – середины XVI в., в частности, таких его областей, как Хорасан и Мавераннахр³. Историческое развитие этих территорий характеризовалось в этот период частой и динамичной сменой центробежных и центростремительных тенденций. Оно оказалось теснейшим образом переплетено с судьбой утвердившейся к этому времени системы исламских институтов. Суфийские братства (*турук*) и официально признанные организации исламской духовности (*алимский корпус*⁴, мусульманские образовательные и благотворительные учреждения) не только обеспечивали религиозное и культурное единство мусульманских общин в условиях династических конфликтов и внутренней нестабильности государства

¹ *Тасаввуф* – мистико-аскетическое течение в исламе. Основываясь на средневековых исламских биографических текстах, возможно предположить, что суфийское мировоззрение изначально возникло из потребности новообращенных мусульман – выходцев из иудейской, христианской, зороастрийской среды – в примирении между пониманием ими порядков, принесенных исламом, и аспектами собственного культурного наследия, а также для определения своей новой идентичности (неарабской, но исламской).

² Большой Иран (Иранский культурный континент) – обширная область, выходящая за пределы современных границ Ирана и охватывающая обширные территории, на которых столетиями господствовали иранские культурные, языковые и политические влияния. К Большому Ирану традиционно относят земли современных Исламской Республики Иран, Афганистана, Таджикистана, части Центральной Азии и Южного Кавказа.

³ Мавераннахр (Трансоксиана) – историческая область, локализовавшаяся между реками Амударья и Сырдарья, за вычетом низовий и верховий. Большая часть территории этого региона лежит в пределах современного Узбекистана, западного Таджикистана и Кыргызстана, а также на востоке Туркменистана.

⁴ *Алим* (араб. «знающий», «ученый»), (мн. *улама*) – знаток богословия, священного писания и предания, а также этико-правовых норм ислама.

Тимуридов, но и выступали в качестве активных участников политического процесса. В зависимости от конкретных обстоятельств они могли служить как опорой для светских властей, так и источником оппозиционных настроений.

Несмотря на это, внутренняя структура исламских институтов Хорасана и Мавераннахра, а также эволюция и динамика их политической роли во многом остаются белыми пятнами в отечественном и зарубежном востоковедении. Недооцененным представляется их влияние на социально-политическую стабильность данного региона и формирование специфических черт местного управления. В связи с этим особенно остро встает вопрос о механизмах адаптации исламских институтов, особенно суфийских обителей и братств, к постоянно изменявшимся в исследуемый период политическим условиям.

Изучение активности религиозных организаций в периоды политического упадка и децентрализации имеет решающее значение для понимания механизмов поддержания социальной и политической стабильности в афро-азиатском мире в условиях ослабления государственной власти. Часто именно религиозные институты служили организующим фактором для сил, способных влиять на общественные процессы, цементируя социальные, торгово-экономические и политические связи между регионами, переживавшими кризисный период. Нередко к ним могли напрямую переходить и некоторые государственные функции – охрана общественного порядка, предоставление социальных услуг, создание новых рабочих мест.

История Хорасана и Мавераннахра в XIV – середине XVI в. позволяет наглядно проследить все вышеперечисленные феномены. Именно на этот период пришелся наивысший расцвет местных суфийских общин, происходивший на фоне длительного и последовательного упадка ранее могущественных институтов официального суннитского богословия. В свете вышеизложенного исследование заявленной темы представляет особый

интерес в контексте анализа становления феномена политического ислама в Новое и Новейшее время.

Научная новизна. Диссертационное исследование призвано восполнить пробелы в отечественной историографии, которая в отношении суфийской поэзии, трактатов и агиографических произведений традиционно придерживалась литературоцентричного подхода, полностью отвергая их роль как исторических свидетельств. По результатам работы доказано, что относящиеся к вышеуказанным жанрам труды могут быть задействованы в современных исследованиях общественно-политической истории Ирана и Мавераннахра эпохи Тимуридов как полноценные источники, способные дать комплексное представление о состоянии общества, традициях и ценностях отдельных религиозных групп. В ряде случаев они могут рассматриваться даже в качестве инструментов политического воздействия (что частично компрометирует их объективность, но доказывает реальность их использования в качестве материала для исторического исследования). Наконец, впервые в мировой практике вводятся в научный оборот редкие суфийские поэтические произведения, относящиеся к персидской культурно-языковой традиции.

Теоретическая и практическая значимость. Выводы и оценки диссертации, а также данные, собранные в ходе проведенной исследовательской работы, могут послужить основой для дальнейшего изучения исламского фактора в политической культуре Среднего Востока и Центральной Азии. Документальный и фактический материал также может найти применение в разработке пособий, программ и учебных курсов в вузах востоковедного профиля и на исторических факультетах университетов. Результаты настоящей работы могут быть применены в ходе подготовки учебных программ по курсу истории и истории религии Ирана, а также в рамках изучения литературного наследия персидской культуры.

Объектом диссертационного исследования являются исламские институты, представленные, главным образом, суфийскими *турук* (ед.ч.

тарика) – организованными группами приверженцев суфизма, которые следуют определенной духовной дисциплине и практике, направленной на достижение внутреннего очищения и приближения к Богу, – и остальными сообществами, действовавшими в среде исламского мистицизма, объединенными не схожими методами продвижения по мистическому пути, а принципом родства по отношению к почившему *шейху*-харизматику. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что, исследуя исламские институты, мы главным образом фокусируемся на служителях «народного» ислама, так как именно они представляются важным связующим звеном между государством и мусульманским населением. Возглавляемые ими турук были гибкими структурами. Их эволюция и динамика политической роли наглядно прослеживается в контексте борьбы за власть в регионах Хорасана и Мавераннахра. Таким образом, расцвет политизации ислама, пришедшийся на эпоху Тимуридов, был напрямую связан с деятельностью братств.

В диссертации отдельно рассматриваются процессы и пути легитимации тимуридской монархии в глазах ирано-мавераннахрского общества. В фокусе находятся конкретные детали процедур, связанных с передачей власти – время, место, основные действующие лица, традиции, обряды, а также их внутри- и внешнеполитический контекст.

В качестве **предмета исследования** выступают особенности комплекса формальных и неформальных взаимоотношений между религиозными учреждениями, тимуридским двором и составлявшими местное общество тюрко-монгольскими кочевниками и ираноязычными оседлыми жителями. Бесспорный интерес представляют основные формы взаимодействия между членами суфийских братств и султанами в социально-политической, культурной и экономической сферах.

Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы на основе первоисточников XIV–XVI вв. определить, как взаимодействие тимуридского государства и исламских институтов Хорасана и

Мавераннахра повлияло на формирование духовно-политической атмосферы в иранском обществе в рассматриваемую эпоху.

Задачи диссертационного исследования сформулированы следующим образом:

1. Сформировать понимание сущности кристаллизовавшихся к XIV–XV векам религиозно-политических представлений жителей Восточного Ирана⁵ и проанализировать исторические предпосылки эволюции этих представлений.
2. Выявить конкретные причины, формы и динамику взаимодействия между тимуридским двором и исламскими институтами, начиная с основателя династии и вплоть до ее падения в XVI в.
3. Обозначить содержательные контуры проблемы легитимности, стоявшей перед Тимуром и раннетимуридскими государями, а также исследовать ее влияние на политическую стабильность государства.
4. Установить место и роль ислама и суфийской субкультуры в политико-административных механизмах тимуридского государства.
5. Выявить связь между религиозно обусловленными механизмами консолидации мусульманского общества Ирана и Мавераннахра и поддержанием законности тимуридского режима в глазах местных жителей.
6. Определить содержание и особенности корпоративных интересов тимуридских сановников и служителей как «официального», так и «народного» ислама.
7. Установить основную роль феномена политизации местного суфизма в становлении тимуридского государства.

Хронологические рамки. В качестве нижней границы исследуемого периода выбран 1370 г. Он ознаменовался рубежным событием, маркирующим начало тимуридской эпохи – провозглашением Тимура

⁵ Под Восточным Ираном подразумевается историко-географическая область, в которую исследователи включают некоторые восточные провинции современной ИРИ, часть Афганистана и Туркменистана, а также Таджикистана, Узбекистана и Пакистана. В Средние века Восточный Иран был важнейшей частью Большого Ирана.

(Тамерлан; 1370–1405 гг.) верховным эмиром на съезде тюрко-монгольской знати и последовавшим за ним началом объединения под его властью земель раздробленных монгольских государств. Кроме того, именно к этому времени относятся наиболее ранние упоминания о контактах нового владыки Ирана с организациями, возникшими в лоне исламского мистицизма. Верхняя хронологическая веха исследования (середина XVI в.) совпадает с периодом правления узбекской династии Шейбанидов, завоевательные походы которой положили конец властвованию Тимуридов в Хорасане и Мавераннахре.

Географические рамки. Работа концентрируется на изучении исламских институтов и особенно суфизма в географических пределах Хорасана и Мавераннахра – восточной периферии исламского мира, представляющей собой уникальное в культурном и религиозном плане пространство. Располагаясь в отдалении от многих центров исламской учености Центрального и Западного Ирана, эти земли стали зоной динамичного культурного обмена между оседлой таджикской цивилизацией и ее тюрко-монгольской окраиной, сформировав ряд специфических религиозных традиций, характерных исключительно для этого региона, что затем сказалось на особенностях социально-политической истории Тимуридского государства.

Хорасан стал колыбелью многих религиозных и философских течений, включая региональную традицию исламского мистицизма, а также центром массового паломничества за счет повсеместно располагавшихся на его территории мавзолеев исламских деятелей. Принимая в расчет все вышеизложенное, а также тот факт, что местные города находились на ключевых караванных маршрутах Азии, следует заключить, что этот регион сыграл одну из решающих ролей в оформлении религиозной жизни исследуемого в работе периода. Мавераннахр, в свою очередь, длительное время уступал Хорасану с точки зрения развитой культуры, однако его положение существенно изменилось после того, как в XIV в. Тимур перенес

свою столицу в Самарканд, что дало начало трансформации этой области в один из важнейших центров исламского мира.

После политического объединения под властью Тимуридов Хорасан и Мавераннахр со временем образовали целостный культурный ареал, спаянный общей религиозной и языковой традицией – для обоих регионов основными связующими элементами стали ислам, проникший вследствие арабских завоеваний VII–VIII вв., и персидский язык, который доминировал в литературной традиции здешних народов. В немалой мере интеграции способствовали и тесные экономические связи между местными городами, игравшими роль стратегических перевалочных пунктов на караванных маршрутах Великого Шелкового пути. По этим торговым артериям жители обеих областей проводили активный обмен различными новшествами, гомогенизируя локальный философский и духовный ландшафт. Тезис о единстве социально-политического, религиозного и культурного пространства Хорасана и Мавераннахра XIV – середины XVI в. является одной из основополагающих установок данного исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Специфика религиозной жизни Ирана и Мавераннахра (многовековая традиция религиозной и философской мысли, укорененность мистических практик, сакрализованная форма социальной организации), а также глубокий духовный застой, выразившийся в упадке на этих территориях традиционных суннитских институтов, способствовали росту популярности суфийских братств (турук) в XIV–XVI вв.

2. Суфизм сыграл важную роль в приобщении немусульманских правителей Ирана и Мавераннахра к исламской религиозной традиции. В конечном счете это способствовало постепенной ассимиляции иранской оседлой культурой завладевших регионом тюрко-монгольских элит.

3. Идеологическим ядром турук стало мистическое учение наставника-основателя, который разрабатывал метод постижения божественной истины

и соответствующие ему практики. Каждый из ключевых элементов турук – духовная генеалогия (*силсила*), институт наставничества и ученичества (*муриид–мурид*), а также священная территория с расположенной на ней обителью (*ханакой*) – способствовали единению новообращенных мусульман под эгидой суфизма.

4. По мере углубления общественного кризиса в послемонгольскую эпоху обретшие популярность среди жителей Хорасана и Мавераннахра мистические сообщества турук стали узловыми центрами общественной консолидации. С течением времени на их основе стали возникать влиятельные социально-политические структуры и объединения.

5. Тюрко-монгольские правители, не рассматривавшиеся местным мусульманским обществом в качестве подлинных носителей исламской легитимности, были вынуждены искать подтверждение божественного происхождения своей власти у суфийских шейхов. Их авторитет подкреплял законность правления Тимуридов на завоеванных землях, что способствовало предотвращению возможных кризисов государственности. Ключевым моментом на пути к политизации суфизма стало появление шейхов в роли посредников между местными династиями, племенными лидерами и центральными властями.

6. Завоевания Тимура стали возможностью для суфийских братств и прочих сообществ, возникших в лоне исламского мистицизма, еще больше укрепить свои позиции в обществе – для Тимура, как и для его предшественников, контакты с мусульманскими святыми были способом легитимизации его власти на покоренных землях.

7. Могущество турук особенно возросло при преемниках Тимура Шахрухе (1409–1447 гг.) и Улугбеке (1447–1449 гг.) – они материально поддерживали исламские институты и регулярно совершали паломничества к святыням ислама. Тем не менее, они не обладали харизмой своего великого предка, и при них социально-политическая жизнь государства в

значительной мере стала определяться как лояльными Тимуридам суфийскими братствами, так и квазишиитскими оппозиционными движениями, поддерживаемыми отдельными шейхами.

8. Ко второй половине XV в. участие суфиев в вопросах политики перестало ограничиваться легитимизирующей и посреднической ролью. Суфийские братства начали действовать как политические фракции, целью которых стала защита интересов своих членов посредством выстраивания системы клиентско-патронажных отношений между лидером общины и дервишами. Пик «суфийской вольницы» в Иране и Мавераннахре ознаменовался возвышением братства накшбандийа во второй половине XV в., в учение которого впервые была внедрена установка, поощрявшая вмешательство членов этого сообщества в политические дела региона.

9. Функционирование турук и других суфийских сообществ стало определяющим для истории региона примером самоорганизации населения в условиях ослабления государственных институтов управления. Руководители этих сообществ часто возлагали на себя часть функций государства. При этом традиционно суфии как носители божественной благодати (*бараки*) дистанцировались от земной власти (*салтанат*), считая свое участие в ней несправедливым делом.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основное содержание диссертации представлено в 4 публикациях, которые вышли в свет в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3. Положения о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова. Апробация положений и выводов исследования была проведена в виде докладов и дискуссий на всероссийских и международных научных конференциях, таких как «Ломоносовские чтения» (ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022–2024 гг.) и «Пейсиковские чтения: проблемы современного академического востоковедения» (ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023 г.)

Методологическая база и методы исследования. Исследование исламских институтов Хорасана и Мавераннахра XIV – середины XVI вв. опирается на комплексный подход. В нем сочетается несколько методологических стратегий, позволяющих наиболее полно охватить изучаемую тему. Наработки в этой области прежде всего основываются на общеисторических принципах анализа и сопоставления источниковых данных, таких как комплексность, системность, связность исторического времени, принцип историзма, а также общегуманитарный методологический инструментарий (анализ, синтез, обобщение, дедукция). Работа с источниками потребовала проведения контент-анализа и использования сравнительно-исторического метода. Наконец, диссертантом был применен синтез внешней и внутренней критики в работе с данными массива агиографических источников – исследовался исторический контекст, определялся уровень тенденциозности авторов мусульманской житийной литературы, выявлялись возможные искажения в их текстах, а также проводилось сопоставление информации с данными прочих первоисточников.

В дополнение к социально-политическому анализу исследование включает изучение мотивации политических действий и ценностных установок как представителей власти, так и других участников общественной жизни Хорасана и Мавераннахра. Это обстоятельство требует применения комплексного методологического подхода и интерпретации источникового материала на пересечении методик истории с методическими подходами других социальных наук, таких как этнография, психология, культурология и антропология. Объективное истолкование средневекового повествования об исламских институтах неизменно включает в себя и переосмысление сведений, полученных из источников, в контексте европейского дискурса об Иране, а также государственно-исламской риторики, принятой в шахском

Иране и в ИРИ⁶. Критический анализ обоих аспектов ориентирует современные ученые дискуссии о происхождении *тасаввуфа*, и демонстрирует, как именно эта «меняющаяся теоретическая основа»⁷ соотносится с важными для современных общественных наук представлениями об общественной маргинальности, империализме и идентичности.

В исследовании особое внимание уделяется попыткам применить существующие историко-теоретические модели к изучению тимуридского режима. В связи с этим особый интерес представляет рассмотрение проблематики исламских институтов в монгольских политиях в рамках веберовского историко-философского дискурса. Так, держава Тимуридов выступает классическим примером патримониального государства по М. Веберу, которое характеризуется слабой централизацией и отсутствием четко институционализированных государственных структур. В основе власти такого типа государства обычно находятся личностные отношения между субъектом и ее объектом⁸. Исходя из этого, отношения тимуридского двора и суфийских наставников нами рассматриваются сквозь призму патримониализма, который наиболее ярко характеризует застойность государств на территории Хорасана и Мавераннахра в эпоху распада монгольских улусов (XIV в.) и период правления поздних Тимуридов (2-я половина XV в.). Кратковременные перемены в таких политиях происходили лишь в связи с появлением лидера-харизматика, который свергал старых правителей и основывал новую династию. При этом общественное устройство зачастую не претерпевало каких-либо существенных изменений. Представляется, что в таких обстоятельствах главной мотивацией

⁶ Данный аспект разносторонне освещен в исследовательской литературе. См., например; *Ansari A. The Politics of Nationalism in Modern Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 2012; Bos, van den, M. Mystic Regimes: Sufism and the State in Iran, from the Late Qajar Era to the Islamic Republic. Leiden: E. J. Brill, 2002.*

⁷ *Weaver J. Indigenoussness and Indigeneity // A Companion to Postcolonial Studies. Ed. by H. Schwarz and S. Ray. Malden (MA): Blackwell Publishing, 2000. P. 221.*

⁸ *Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley (CA): University of California Press, 1978. Vol. 2. P. 799–1074.*

политизации суфийских структур было не изменение системы, а сохранение их лидерами (шейхами) своего положения и привилегий в дальнейшем.

С другой стороны, теоретические концепции М. Вебера о типологии государства также применимы в контексте приобретения легитимности, которая является ключевым условием господства правителя над подданными. С этих позиций государство, основанное Тимуром, может считаться классическим примером харизматического господства – власти, опирающейся на веру в исключительные качества и способности лидера, который воспринимается обществом как обладатель особых божественных даров (харизмы). На материале рассматриваемого региона можно отчетливо проследить процесс трансформации государства, основанного на харизме, в патримониальное.

Источниковедческая база исследования. Привлеченные для настоящего исследования источники можно разделить на пять основных сегментов.

Первый и наиболее обширный блок источников по изучаемой проблеме включает в себя религиозную литературу. Крупнейшую группу внутри этого блока составили агиографические источники, в числе которых жизнеописания как подвижников домонгольской эпохи⁹, так и наставников более поздних периодов. Первостепенную значимость представляют материалы средневековых сборников жизнеописаний святых, созданных Нур ад-дином ‘Абд ар-Рахманом Джамии (ум. 1492)¹⁰, Низам ад-дином Мир Алиширом Наваи (ум. 1501)¹¹ и Даулат-шахом Самарканди¹². Пристальное

⁹ *Бин Мунаввар Мухаммад*. Асрар ат-таухид фи макамат аш-шейх Абу Са’ид (Тайны единобожия в деяниях шейха Абу Са’ида). Баку: Нафта-пресс, 2010.

¹⁰ *Джамии Нур ад-дин ‘Абд ар-Рахман*. Нафахат ал-унс (Дуновения духовной близости) [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/nafahaat-ul-uns-abdur-rahmanjami/nafahat%20Ans%20Maulana%20Abdur%20Rahman%20-jami/page/n97/mode/2up> (доступ: 18.04.2024).

¹¹ *Навоий Алишер*. Мажолис ун-нафоис (Собрание избранных) [Электронный ресурс]. URL: https://n.ziyouz.com/books/alisher_navoiy_asarlari/Alisher%20Navoiy.%20Majolisun-nafois.pdf (доступ: 18.12.2023); *Навоий Алишер*. Насоим ул-мухаббат (Дуновения любви) [Электронный ресурс]. URL: http://navoi.natlib.uz:8101/uzb/nasoyim_ul_muhabbat_un_ettinchi_tom/nasoyim_ul_muhabbat/501_600/ (доступ: 18.12.2023). Вследствие различий языковых традиций и методов транслитерации встречаются различия в написании имени этого деятеля. В настоящей работе мы придерживались персидского варианта

внимание уделяется анализу текстов сочинений ‘Абд ар-Раззака Кермани¹³, Шихаб ад-дина ибн бинт Амира Хамзы¹⁴, Фахр ад-дина Али Сафи ибн Хусейна Кашифи¹⁵, Дарвиша Али Бузджани (ум. 1523)¹⁶ и Хусейна Кербелаи¹⁷, а также анонимного труда *Макамат-и Ходжа-и Ахрар* («Стоянки Ходжи Ахрара») ¹⁸.

Немалое количество рассмотренных произведений являются трактатами о различных аспектах исламской теории и практики. В их числе – труды мусульманского мыслителя Мухаммада ибн Али ат-Тирмизи (ум. 892)¹⁹, суфия Наджм ад-дина Рази (ум. 1256)²⁰ и шейха Са‘ида Джамал ад-дина Касани Дахбиди (ум. 1542)²¹.

К данному блоку мы также относим материалы специальных средневековых путеводителей по святым местам Ирана и Мавераннахра²².

Вторую группу источников данного исследования составляют повествовательные тексты хроникального типа. В этот блок вошли труды

произношения – Алишир Наваи. Однако в ссылках на источники на узбекском языке мы были вынуждены придерживаться указанного изданием варианта – Алишер Навоий.

¹² *Samarqandi Mir Dawlatshah*. Tadhkirat al-shuara // A Century of Princes: Sources on Timurid History and Art, selected and translated by W. M. Thackston. Cambridge, Massachusetts: Aga Khan Program for Islamic Architecture, 1989.

¹³ *Кермани ‘Абд ар-Раззак*. Манакиб-и Хазрат-и Шах Ни‘маталлах Вали (Деяния достопочтенного Ни‘маталлаха Вали). Тегеран: Анджуман-и ираншенаси-йи Фарансе дар Иран, 1982.

¹⁴ *Хамза Шихаб ад-дин б. бинт Амир*. Житие Амира Кулала // Мудрость суфиев. СПб: Азбука, 2001.

¹⁵ *Кашифи Фахр ад-дин Али б. Хусейн Ва‘из*. Рашахат-и айн ал-хайат (Капли из родника жизни) Тегеран: Бунйад-и нукукар-и нурйани, 2536/1977. Т. 1–2.

¹⁶ *Бузджани Али*. Раузат ар-рийахин (Сады ветров). Тегеран: Бунгах-и тарджуме ва нашр-и китаб, 1345/1966. С. 45.

¹⁷ *Кербелаи Хусейн*. Раузат ал-джинан ва джаннат ал-джанан (Кущи садов и райских сад души).Т. 2. Тегеран: Бунгах-и тарджуме ва нашр-и китаб, 1349 (1970). С. 243.

¹⁸ *Мақомоти Хожа Убайдуллох Ахрор (Стояники Ходжи Ахрара) // Табаррук рисоалар*. Ташкент: Адолат, 2004.

¹⁹ *al-Tirmidhi al-Hakim*. The Concept of Sainthood in Early Islamic Mysticism: Two Works by al-Hakim al-Tirmidhi. Trans. Bernd Radtke and John O’Kane. Richmond (Surrey): Curzon Press, 1996.

²⁰ *The Path of God’s Bondsmen from Origin to Return (Merṣād Al-‘Ebād Men Al-Mabdā’ Elā ‘L-Ma‘ād): A Sufi Compendium* by Najm al-Dīn Rāzī, Known as Dāya. Delmar, N.Y.: Caravan Books, 1982.

²¹ В переводе на русский язык, выполненном Б. М. Бабаджановым, произведение получило название «Трактат о назидании султанам». – *Махдум-и Азам*. Трактат о назидании султанам // Мудрость суфиев, СПб: Азбука; Петербургское Востоковедение, 2001.

²² *Кандийа дар байан-и мазарат-и Самарканд (Кандийа о мазарах Самарканда)* Тегеран: Китабхане-и Тахури, 1955; *Му‘ин ал-Фукара Ахмад ибн Махмуд*. Тарих-и Муллазаде: дар зикр-и мазарат-и Бухара (История потомков муллы о мазарах Бухары). [б.м.]: Марказ-и муталиат-и Иран, 1370; *Ва‘из Асил ад-дин*. Максад ал-икбал-и султанийа ва марсад ал-амал-и хаканийа (Цель стремления султанского счастья и место наблюдения хаканских надежд) Тегеран: Буниад-и Фарханг-и Иран, 1973; *Исфизари Мухаммад*. Раузат ал-джаннат фи авсаф-и мадинат-и Харат (Райский сад в описаниях города Герата). Т.2. Тегеран: Данишгах-и Техран, 1959.

Рашид ад-дина Хамадани (ум. 1318)²³, ‘Ала ад-дина Джувейни (ум. 1283)²⁴, Шараф ад-дина Али Йазди (ум. в 1454)²⁵, Ахмада ибн Мухаммада Фасиха Хавафи (ум. 1442)²⁶, Хафиза-и Абру (ум. 1430)²⁷, перу которого также принадлежит отчасти задействованный в работе трактат о географии Хорасана²⁸. Перечень исторических хроник продолжают «История эмира Тимура», или «Чудеса predeterminedenных событий в истории Тимура» (*Аджайиб ал-макдур фи тарихи Таймур*) Ибн Арабшаха (ум. 1450)²⁹, а также два монументальных труда ‘Абд ар-Раззак Самарканди³⁰ и Гийас ад-дина Хондемира (ум. 1535/36)³¹. К второстепенным хроникам можно отнести работы Мирзы Мухаммада Хайдара³², Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфাহани³³, Шах-Махмуда Чураса³⁴, а также труд Сайфа Харави по истории Герата³⁵.

Третий сегмент представлен записками путешественников авторства Ибн Баттуты (ум. 1377)³⁶ и Руи Гонсалеса де Клавихо³⁷, а также автобиографией Захир ад-дина Мухаммада Бабур, основоположника династии Великих Моголов (1526–1530 гг.)³⁸.

²³ *Хамадани Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Том III, М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

²⁴ Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. М.: Магистр-пресс. 2004.

²⁵ *Йазди Шараф ад-Дин Али*. Зафар-наме. Книга побед амира Тимура. Т.: Изд-во журнала "SAN'AT", 2008.

²⁶ *ал-Хавафи, Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад*. Фасихов свод. Т.: Фан, 1980.

²⁷ *Абру Хафиз*. Зубдат ал-таварих (Сливки истории). Под редакцией Камала Хадж Сайида Джавади. Т.1–4. Тегеран: Вазарат-и фарханг ва аршад-и ислами. Сазман-и чап ва интишарат, 1380.

²⁸ *Абру Хафиз*. Джуграфия-йи Хафиз-и Абру: кисмат-и руб-и Хурасан, Харат (География Хафиза Абру: часть Хорасана, Герат). Тегеран: Интишарат-и буниад-и фарханг-и Иран, 1349 (1970).

²⁹ *Ibn Arabshah, Ahmed*. Tamerlane or Timur the Great Amir. London: Burleigh Press, 1936.

³⁰ *Самарканди Камал ад-дин ‘Абд ар-Раззак*. Матла ас-садаин (Восход двух счастливых звезд). Тегеран: Муасесе-йи моталеат ва тахикат-и фарханги, 1372–1374. Т. 1–4.

³¹ *Khwandamir Ghiyas al-din*. Habib al-siyar // A Century of Princes: Sources on Timurid History and Art, selected and translated by W. M. Thackston. Cambridge (MA): Aga Khan Program for Islamic Architecture, 1989.

³² Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). А.-А.: Наука, 1969.

³³ *Исфাহани Фазлаллах ибн Рузбихан*. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Пер. с перс. В. П. Джалиловой. М.: Восточная литература, 1976.

³⁴ *Чурас Шах Махмуд ибн мирза Фазил*. Хроника. Пер. с перс. О. Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1976.

³⁵ *Харави Сайф бин Мухаммад*. Тарихнаме-йи Харат. Тегеран: Асатир, 1383.

³⁶ Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988 (далее – Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии).

³⁷ *Де Клавихо, Руи Гонсалес*. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М.: Наука, 1990.

³⁸ [Бабур Захир ад-дин Мухаммад]. Бабур-наме. Т.: Главная редакция энциклопедий, 1992 (далее – Бабур-наме).

Четвертый блок составили документальные источники – сборники писем государственных деятелей³⁹ и суфийских наставников, в частности, шейхов Джама⁴⁰, купчие и вакуфные грамоты XVI в.⁴¹, *Вакфийа* Алишира Наваи⁴², а также указы тимуридских правителей об имуществе суфийских общин и братств⁴³.

Пятая составляющая источникового массива включает в себя поэтический сборник шейха Ни‘маталлаха Вали Кермани (ум. 1431)⁴⁴ и труд персидского поэта XIII в. Саади Ширази *Гулистан* («Сад роз»)⁴⁵.

Степень разработанности проблемы. Процесс изучения исламских институтов в Европе и России с самого начала сложился таким образом, что основное внимание как западных, так и отечественных специалистов прочно приковали к себе религиозно-философские и нравственно-этические учения суфизма. В то же время его организационная структура, через которую эти учения распространялись – турук – если не выпали из поля зрения исследователей, то длительное время оставались на его периферии.

Первый пласт задействованной литературы составляют труды отечественных авторов, в первую очередь, востоковедов XX в. В. В. Бартольда (1869–1930)⁴⁶ и А. Н. Болдырева (1909–1993)⁴⁷. Значительный вклад в исследование суфизма в современной России также внесли российский и американский исламовед А. Д. Кныш (р. 1957)⁴⁸ и сотрудник

³⁹ [Хамадани] Рашид ад-дин. Переписка, М.: Наука, 1971.

⁴⁰ *Ахл Йусуф*. Фараид-и Гийаси. Т.1–2. Тегеран: Ингишарат-и бунйад-и фарханг-и Иран, 1356/1977 (далее – Фараид); *The Majma-u'i murasalat // The Letters of Khwadja Ubayd Allah Ahrar and his Associates*. Persian text ed. By A. Urunbaev, English trans. by Jo-Ann Gross. Leiden – Boston – Köln: E. J. Brill, 2002.

⁴¹ Самаркандские документы XV-XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). М.: Наука, 1974.

⁴² *Навоий Алишер*. Вакфийа // Мукаммал асарлар тўплами. Т. 14. Ташкент: Фан, 1998.

⁴³ Аснад ва мукатибат-и тарих-и Иран. Тегеран: Бунгах-и тарджуме ва нашр-и китаб. 2536 (1977).

⁴⁴ Куллийат-и аш‘ар-и Шах Ни‘маталлах-и Вали. Тегеран: Чапхане-йи Фирдоуси, 2535 (1976).

⁴⁵ *Саади*. Гулистан. Пер. с перс. Р. М. Алиева. М.: Издательство восточной литературы, 1959.

⁴⁶ *Бартольд В. В.* Сочинения. Т.2, Ч.2. М.: Издательство восточной литературы, 1963.

⁴⁷ *Болдырев А. Н.* Ещё раз к вопросу о Ходжа-Ахраре / Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 47; Предисловие О. В. Чехович // Самаркандские документы XV-XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане). М., 1974. С.22–23.

⁴⁸ *Кныш А. Д.* Мусульманский мистицизм: краткая история. М.–СПб.: Диля, 2004.

ИВ РАН А. А. Хисматуллин (р. 1966)⁴⁹. Отдельного упоминания заслуживают научные изыскания востоковедов из Центральной Азии, нередкая политическая ангажированность которых затрудняет объективную оценку исторических событий. В то же время отметим успешное сотрудничество западных и центральноазиатских исламоведов, ярким примером которого является плодотворное взаимодействие Дж.-А. Гросс и А. У. Урунбаева⁵⁰.

Второй блок исследовательской литературы составили фундаментальные исследования западноевропейских и американских авторов по истории турук на территории Ирана и Мавераннахра. Эти работы включают классический труд британского ученого Дж. С. Тримингэма (1904–1987) «Суфийские ордены в исламе»⁵¹, научные статьи и монографии востоковедов из США и Канады Беатрис Форбс Манц⁵² и Марии Евы Субтельны⁵³, а также работы современного немецкого исследователя Юргена Пауля⁵⁴ и американского ислаоведа из Университета штата Индиана Девина Ди Уиса⁵⁵. Необходимо также упомянуть новую волну научных изысканий, пришедшуюся на 10-е и 20-е годы XXI в., результатом которой стало появление полновесного исследования ираниста Ш. Махендрараджи из университета Сент-Эндрюс о наследии комплекса при мусульманской

⁴⁹ Мудрость суфиев. Спб.: Азбука; Петербургское Востоковедение, 2001.

⁵⁰ *The Letters of Khwadja Ubayd Allah Ahrar and his Associates*. Persian text ed. by A. Urunbaev, English trans. by Jo-Ann Gross. Leiden – Boston – Köln: E. J. Brill, 2002.

⁵¹ *Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе*. Пер. с англ. А. А. Ставиской. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.

⁵² *Manz B. F. Temür and the Problem of a Conqueror's Legacy* // *Journal of the Royal Asiatic Society, Third Series*. 1998. Vol. 8, No. 1 (1998). P. 21–41; *Manz, B. F. Power, Politics and Religion in Timurid Iran*. N.Y.: Cambridge University Press, 2007.

⁵³ *Subtelny M. E. Timurids in Transition: Turko-Persian Politics and Acculturation in Medieval Iran*; *Subtelny M. E. Socioeconomic Bases of Cultural Patronage under the Later Timurids* // *International Journal of Middle East Studies*. 1998. Vol. 20, No. 4. P. 479–505; *Subtelny M. E. A Timurid Educational and Charitable Foundation: The Ikhlaṣiyya Complex of 'Alī Shīr Navā'ī in 15th-Century Herat and Its Endowment* // *Journal of the American Oriental Society*, 1991. Vol. 111, No. 1, P. 38–61.

⁵⁴ *Paul J. Doctrine and Organization: The Khwajagan Naqshbandiya in the first generation after Bahauddin*. В.: Anor, 1998; *Paul J. Forming a Faction: The Himayat System of Khwaja Ahrar* // *International Journal of Middle East Studies*. 1991. Vol. 23. № 4. P. 533–548; *Paul J. The Rise of the Khwajagan-Naqshbandiyya Sufi Order in Timurid Herat* // *Afghanistan's Islam From Conversion to the Taliban*. Oakland: University of California Press, 2017. P. 71–89.

⁵⁵ *Де Вис Д. Хусайн Хорезми: среднеазиатский суфий начала XV в.* // *Из истории суфизма: источники и социальная практика*. Т.: Фан, 1991. С. 48–69. *De Weese D. The Eclipse of the Kubraviyah in Central Asia* // *Iranian Studies*. 1988. Vol. 21 (1/2); P. 45–83.

святыне в Джаме⁵⁶, а также обобщающей работы «Суфизм и политика: власть духовности» под редакцией американского исламоведа П. Л. Хека⁵⁷.

Историографический обзор завершают статьи и монографии, посвященные вопросу о сущности власти в понимании средневекового иранского социума. Наиболее значимыми из них стали статьи М. Шодкевича «Модели совершенства в исламе и мусульманские святыне»⁵⁸, американского исламоведа О. Сафи, итальянского историка Л. Патрици и французского исследователя А. Папа⁵⁹ о переплетении понятий сакрального и политического в иранском суфизме⁶⁰.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Работа построена по тематико-хронологическому принципу и включает в себя введение, три главы, заключение и приложения: карты с паломническими маршрутами Шахруха ибн Тимура и Глоссарий, вобравший в себя термины, связанные с исламом и суфизмом.

Во **введении** обосновывается актуальность и новизна темы, определяется ее теоретическая и практическая значимость, обозначаются предмет и объект исследования, формулируются цели и задачи, положения, выносимые на защиту, характеризуются основные принципы и методы исследования, фиксируются его хронологические и географические рамки, а также излагается краткий обзор источников и степень изученности темы в мировой науке.

⁵⁶ *Mahendrarajah Sh.* The Sufi Saint of Jam. History, Religion, and Politics of a Sunni Shrine in Shi'i Iran. N.Y.: Cambridge University Press, 2021.

⁵⁷ *Sufism and Politics: The Power of Spirituality.* Ed. by P. L. Heck. Princeton (NJ): Markus Wiener Publishers, 2007.

⁵⁸ *Шодкевич М.* Модели совершенства в исламе и мусульманские святыне // Бог-человек-общество в традиционных культурах Востока. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 199–217.

⁵⁹ *Patrizi L.* Sufi Terminology of Power // *Sufi Institutions.* Ed. by Alexandre Papas. Leiden: Brill, 2021. P. 292–302; *Papas A.* Sufism and Wordly Powers // *Sufi Institutions.* Ed. by Alexandre Papas. Leiden: Brill, 2021. P. 255–291.

⁶⁰ *Safi O.* Bargaining with Baraka: Persian Sufism, «Mysticism», and Pre-Modern Politics. P. 259–287.

Первую главу «Исламские институты Хорасана и Мавераннахра в дотимуридскую эпоху» открывает параграф, посвященный эволюции представлений о соотношении земной и духовной власти в иранском обществе. Приводится ретроспектива, позволяющая провести параллель между исламским понятием *барака* и иранской доисламской концепцией *фарр-и изади*. Особое внимание в этом блоке уделяется понятиям *салтанат* и *валайат*, а также термину *барака* в контексте вопроса о легитимации правления в исламских обществах досефевидского Ирана. Монгольское завоевание XIII в., ставшее причиной как смены политической власти, так и столь значительных потрясений в исламском мире и волнений среди верующих, актуализировало проблему законности претензий тюрко-монгольских династий на иранский престол вплоть до XVI в.

Второй параграф главы «Краткий обзор представлений иранских мистиков о земной власти» освещает воззрения самих суфиев на институты военно-политического правления. Предпринята попытка объяснить неоднородность их позиций к вопросу о политике: среди представителей исламского мистицизма были как те, кто постулировали необходимость вмешательства в государственные дела, так и те, кто намеренно избегали сует общественной жизни. Было установлено, что представление о *бараке*, имевшей неземное происхождение, активно формировало вполне мирскую политическую повестку, выходя за рамки простого духовного благословления.

Третий параграф главы отведен рассмотрению состояния религиозного комплекса ислама в период после монгольского вторжения. Именно пережитки шаманизма, перешедшие в ислам и проявившиеся в представлениях о сверхъестественных способностях *ходжей*, *шейхов* и *ишанов*, во многом определили рост популярности и влияния суфийских братств Хорасана и Мавераннахра среди вчерашних язычников, к коим относились кочевники. Монгольская элита активно посещала собрания суфийских *шейхов*, и завоеватели нередко присягали им на верность целыми

племенами. В период, предшествовавший завоеваниям Тамерлана, турук, отвечавшие за распространение идей исламского мистицизма в Восточном Иране и Мавераннахре, все активнее включались в решение социальных проблем и часто предоставляли поддержку (как материальную, так и духовную) жителям земель, подвергшихся разорению и разрушениям со стороны иноверных правителей.

Наконец, четвертый параграф призван проиллюстрировать все описанные ранее теоретические констатации на примере деятельности конкретных суфийских сообществ Хорасана, расположенных в Джаме и Чиште. Подробно исследуются и сравниваются как социально-политическая активность этих сообществ накануне завоеваний Тимура, так и их материальное благосостояние. Отмечается, что в этот период все чаще наблюдаются случаи добровольной передачи движимого и недвижимого имущества в пользование суфийским общинам. Эта форма благотворительности, именуемая вакфом, в исламе традиционно считалась наивысшим проявлением добродетели, поскольку его учредитель (зачастую представитель элиты или даже сам правитель) приобретал значительный авторитет и легитимность в глазах мусульманского сообщества.

Центральной темой **второй главы «Исламские институты в эпоху ранних Тимуридов (вторая половина XIV – первая половина XV в.)»** стала динамика отношений исламских религиозных авторитетов и Тимура, а также правивших после него государей – его сына Шахруха и внука Улугбека. Особое внимание уделяется политическим центрам державы – Самарканду и Герату – как аренам взаимодействия суфиев и двора.

Глава включает в себя три параграфа. Первый посвящен контактам самого основателя династии с отдельными мистиками и целыми турук. Второй параграф «Исламские институты Ирана и Мавераннахра в правление Шахруха ибн Тимура (1409–1447 гг.)» повествует о религиозной политике сына Тамерлана. И хотя оба государя стремились поддерживать

образ благочестивых мусульманских правителей и спонсировать суфийские общины, мы можем сделать вывод о том, что периоды их властвования также ознаменовались выступлениями отдельных шейхов или даже целых религиозных групп против династии. Наконец, львиная доля параграфа отводится феномену паломничества (*зийарат*) раннетимуридских государей к суфийским святыням Восточного Ирана и Мавераннахра, исследуются его цели и задачи в контексте упрочения основ их легитимности.

Третий параграф данной главы завершается анализом деятельности государя-просветителя Улугбека, внука Тимура. Делается вывод о том, что упоминание имени этого правителя в негативном ключе у ряда суфийских авторов во многом было связано с его политикой введения для ремесленников и торговцев особого налога (тамги), что, в свою очередь, негативно сказывалось на материальном положении исламских религиозных авторитетов.

В третьей главе «Исламские институты в эпоху поздних Тимуридов и ранних Шейбанидов (вторая половина XV – первая половина XVI в.)» исследуется роль исламских институтов в децентрализованном государстве Тимуридов (второй половины XV в.). Первый параграф отводится описанию истории и практик братства накшбандийа – одного из крупнейших суфийских сообществ Хорасана и Мавераннахра. Выявлены комбинации внутренних факторов, связанных с развитием социально-политической идеологии братства, которые в сочетании с политической конъюнктурой (очередной кризис государственности в державе Тимуридов) способствовали столь быстрому росту популярности накшбандийи. Отдельно рассматриваются беспрецедентные положения накшбандийской доктрины, разработанные в тимуридскую и шейбанидскую эпохи и призванные разъяснить членам братства и рядовым мусульманам практическую необходимость вмешательства суфиев в государственные дела.

Во втором параграфе этой главы «Взаимодействие шейхов накшбандийи с тимуридскими и шейбанидскими государями Хорасана и Мавераннахра второй половины XV – середины XVI в.» дается оценка роли верхушки тарики, которую в течение многих лет возглавлял влиятельный шейх Ходжа Ахрар, путем анализа материалов хроникальной, агиографической литературы и документальных свидетельств. Первоочередной интерес в этом контексте представляют эпизоды его непосредственного взаимодействия с султанами и их сановниками, а также сообщения, раскрывающие сущность выстроенной братством особой системы общественных отношений, характеризовавшейся клиентелизмом. Делается вывод о том, что деятельность накшбандийа в Хорасане и Мавераннахре стала одним из наиболее наглядных примеров самоорганизации населения под эгидой исламского мистицизма в условиях ослабления государственных институтов управления.

Наконец, в третьем параграфе главы раскрываются зафиксированные в личных переписках, вакуфных грамотах и прочих свидетельствах эпохи данные о благосостоянии членов накшбандийской общины. Немалая часть этого раздела посвящена описанию знаменитого религиозно-благотворительного комплекса «Ихласийа», основанного ближайшим сподвижником Ходжи Ахрара, поэтом Алиширом Наваи. Это является весомым свидетельством того, что суфии не только принимали исходившую от власть имущих помощь, но с середины XV в., занимая видные государственные позиции, сами стали учредителями исламских богоугодных заведений, тем самым укрепив свой авторитет среди населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении представлены выводы и обобщения, ставшие результатом проделанной работы. Суфийские сообщества, возникшие практически повсеместно на большей части бывшего халифата Аббасидов в конце XII в., получили широкое распространение в монгольскую эпоху и постепенно завоевали доверие населения регионов Хорасана и Мавераннахра – территорий, находившихся на перекрестке торговых и культурных путей и ставших благодатной почвой для развития мистического знания. Так, базировавшиеся на этических ценностях ислама поведенческие модели, а также присущие суфизму символическое мышление, эмоционально-интуитивный подход и идея о скрытом знании уже в XIII в. прочно легли в основу мировоззрения и менталитета жителей рассматриваемых регионов.

Мы также можем отчетливо проследить корреляцию между политическими кризисами и активизацией деятельности суфийских сообществ, главным образом представленных мистико-аскетическими братствами. В условиях кризиса государственной власти именно сообщества, возникшие в суфийской среде, стали фактором, объединившим различные слои иранского и мавераннахрского обществ. В некоторых сферах они и вовсе замещали собой государственные институты.

Между тем учение и практики братств привлекали и новых жителей Хорасана и Мавераннахра – тюрко-монгольских номадов – чьи традиционные верования воплощали синтез тенгрианства и различных анимистических культов. Суфизм также сыграл ключевую роль в обращении хулагуидских и чагатаидских правителей в мусульманскую веру и способствовал постепенной ассимиляции тюрко-монгольских элит и принятию отдельными их представителями оседлого стиля жизни, свойственного иранской культуре.

Видимым отражением распространения суфийского влияния в исследуемых областях стал рост числа комплексов – завий, – неизменной составляющей которых была священная территория с расположенной на ней обителью (ханакой), медресе, мечетями и иногда мавзолеем почившего шейха-харизматика-основателя братства или знаменитого старца, к которому возводили свою духовную генеалогию проживавшие при святыне адепты.

Возросшая популярность идей исламского мистицизма благоприятствовала упрочению материального благосостояния мусульманских общин, что происходило за счет щедрых пожертвований рядовых прихожан и власть имущих, а также собственности, которую они обращали в вакф. Кроме того, передача религиозным учреждениям сельскохозяйственных угодий, пострадавших от военных действий, а также объектов инфраструктуры, таких как ирригационные каналы, способствовала восстановлению экономики этих земель. Сообщества исламского мистицизма имели полную свободу в распоряжении этими землями, причем должность управляющего-назира нередко передавалась по наследству. Вмешательство государственных чиновников в дела вакфов также было минимизировано.

В конечном итоге суфийские центры-завийи, традиционно формировавшиеся вокруг мест погребения шейхов-харизматиков, оказались весьма устойчивыми структурами, а их лидеры, обретя выгодные знакомства и связи, сами стали настолько влиятельными персонами в мусульманском обществе, что к середине XIV в., с распадом монгольских государств и началом конфликтов между центральной властью и местными государями, они взяли на себя роль посредников в этих противостояниях. Так, мистики крупнейших суфийских центров периода – Джама и Чишта – активно принимали участие в политических перипетиях на стороне правителей ираноязычной династии Картов, властвовавших в Хорасане. Зарекомендовав себя как лояльная режиму сила, суфийский центр в Джаме в конечном итоге сыграл роль в завоевании Тимуром Герата и свержении власти картских маликов. Первоочередной задачей шейхов стало сохранение собственной

значимости при новом дворе и предотвращение ряда потенциальных угроз, связанных с возможными переменами в религиозных предпочтениях государя, которому приписывались прошиитские симпатии.

Тимур и его потомки, как и предшествовавшие им тюрко-монгольские правители, не рассматривались местным мусульманским обществом в качестве подлинных носителей исламской легитимности. И хотя Тамерлан не испытывал недостатка в военной силе и собственной харизме, для него контакты с суфийскими организациями и отдельными наставниками играли ключевую роль в обосновании его собственных претензий на господство в землях, где ислам был доминирующей религией. Государь не оставил без внимания и тот факт, что политическая культура Ирана издревле опиралась на идею сакральности правителя, которая определяла отношения между властью и обществом с древнейших времен. По этой причине утверждение Тимура на иранском престоле происходило при поддержке наставников суфизма, которые признавались в мусульманском обществе святыми, или «друзьями Всевышнего». Это позволило знаменитому завоевателю в глазах различных слоев иранского и мавераннахрского обществ самому стать носителем божественной благодати, «переняв» ее у шейхов.

Могущество турук росло и при ранних Тимуридах. Во многом этому способствовала поддержка исламских институтов на государственном уровне, вследствие чего многие суфии проявляли лояльность правящей династии. Вместе с тем заметим, что в этот период также произошел всплеск социально-религиозных протестных движений, вдохновленных шиизмом и направленных против действующей власти. Представители и сторонники этих воззрений не только требовали социальной справедливости, но и оспаривали кандидатуру Тимура на звание обновителя эпохи и мессии, считая его самого и его потомков самозванцами и узурпаторами. И хотя в ряде случаев оппозиционные силы открыто поддерживались отдельными суфийскими наставниками, представляется, что большинство конфликтов с ними происходило вследствие обвинений последних в пособничестве

мятежникам. Анализ источникового материала также выявил, что одной из особенностей правления Шахруха, помимо борьбы с «дурными сектами», стала практика систематического паломничества к святыням ислама, причем его маршруты часто определялись сугубо политическими соображениями.

Ко второй половине XV в. участие суфиев в вопросах политики вышло за рамки легитимизирующей и посреднической роли. Отныне шейхи, представленные главным образом братством накшбандийца, выступили фактическими правителями в Хорасане и Мавераннахре. Этому способствовало несколько факторов. Первым из них следует считать очередной период кризиса в государстве Тимуридов, вторым же стал постепенный отход накшбандийцев от первоначального социально-политического учения Баха' ад-дина Накшбанда, заключавшегося в максимальной изоляции общины от участия в политической жизни. В результате изменений в теоретических положениях братства, во многом инициированных шейхом Ходжей Ахраром и воплощенных в трудах его ближайших учеников, в идеологию накшбандийца была внедрена установка о прямой обязанности вмешательства членов тарики в сферу салтанат. Придерживаясь такого модуса действия, Ахрар и его последователи обрели беспрецедентно широкие полномочия при дворах тимуридских государей.

Одним из важнейших векторов деятельности братства стали покровительство торговле, получение от падишахов налоговых послаблений как для членов сообщества, так и для его клиентов, а также обеспечение личной безопасности их родных и близких. Кроме того, нельзя не отметить вклад накшбандийских наставников в установление социально-политической стабильности в тимуридских уделах.

Таким образом, братству накшбандийца второй половины XV в. были присущи черты политической фракции, сумевшей выстроить клиентско-патронажные отношения между лидером общины и учениками, а также рядовыми мусульманами. Эта система существовала параллельно государственным институтам власти и контроля. Сущность системы

сводилась к выполнению шейхами роли протекторов своих клиентов перед лицом государства.

С этих позиций мы можем с уверенностью утверждать, что во второй половине XV в. носители валайя были интегрированы в общественно-политическую жизнь Хорасана и Мавераннахра как никогда ранее, несмотря на то, что традиционно суфии как носители божественной благодати считали участие в мирских делах несправедливым делом. Следует особо отметить, что, не будучи формальным правителем, лидер суфийской общины обладал столь значительной властью и влиянием, что в народном сознании его фигура часто приравнивалась к фигуре падишаха.

Как показывают историко-культурные обстоятельства эпохи, сходные процессы происходили и в северо-западной части Ирана, где в конце XV – начале XVI в. мы можем наблюдать успешно реализованную попытку политогенеза на основе суфийской организации с шиитскими тенденциями – образование государства, возглавляемого шейхами братства сефевийя. С этой поры есть все основания утверждать о появлении феномена «шаха-святого», характеризуемого слиянием функций властителя и одного из «друзей Божьих», а также о том, что с возникновением государства Сефевидов идея иранского общества о сакральном правителе в конце концов обрела свое воплощение. И хотя суфизм в Мавераннахре во второй половине XV в. был влиятелен, он все же был встроен во властную систему, а не противопоставлен ей, как это произошло с мистиками сефевийя, которые выступали не только как обладатели «божественной искры», но и претендовали на легитимность в качестве имамов.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова по специальности 5.6.2. Всеобщая история

1. *Вердиева Л. А.* Конфликты суфийских наставников с Тимуром (1336–1405) в мусульманской агиографической традиции // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 3. С. 82–92 (0,57 п. л.; импакт-фактор РИНЦ – 0,169; EDN: PDUYGD).
2. *Вердиева Л. А.* Участие шейхов Джамы в политической жизни Хорасана 2-й половины XIV – начала XV вв. // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2023. Т. 67. № 1. С. 34–45 (0,68 п. л.; импакт-фактор РИНЦ – 0,169; EDN: BZGSLL).
3. *Вердиева Л. А.* Феномен «кочующего двора» в политической жизни Тимуридов; паломнические маршруты Шахруха (1409–1447 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2024. Т. 68. № 1. С. 50–61 (0,68 п. л.; импакт-фактор РИНЦ – 0,169; EDN: LBQUER).
4. *Вердиева Л. А.* Политика и святость в послемонгольское время на примере Тимура (1336–1405) и его потомков // Клио. 2024. № 6 (210). С. 42–48 (0,84 п. л.; импакт-фактор РИНЦ – 0,108; EDN: VDPRME).